«Соль и сахар земли»

ПЕРЕД нами сидит группа интуристов. Мы случайно слышим разговор, который ведут двое из них в антракте:

— Странно, почему именно живущие здесь цыгане создали свой театр — единственный в мире? Ведь в России цыган только 100 тысяч...

Иностранцам кажется непостижимым, что цыгане, которых они так часто видят в себя на родине, цыгане, которые бродят таборами, гадают на улицах, поют в поездах, смогли создать свой собственный высокопрофессиональный театр. И у туристов вырываются изумленные вопросы: неужели это действительно цыгане?

Их удивление понятно. Это могло произойти только в стране, где проявляется внимание к национальной культуре каждого, даже самого маленького народа. И внимание, насколько не напоминающее эстетского любопытства к экзотике, столь свойственного Западу.

В основе всех спектаклей советского цыганского театра — фольклорное начало. Причем, если на первых порах своего существования театр ставил спектакли, основанные только на цыганском фольклорном материале, то теперь здесь идут и пьесы, изображающие жизнь других народов. Фольклорные произведения всех народов по духу близки друг другу. Ненависть к угнетению, стремление к свободе и правде, восхищение красотой и добром, воспева-

ние силы человека — все это присуще любому народному творчеству. Вот почему в репертуар театра «Ромэн» так легко и естественно вошли две зарубежные пьесы, включающие фольклорные элементы: индийская легенда Балават Гарги («Сонни и Махиваль» (написанная автором специально для этого коллектива) и драма классика венгерской литературы Эде Сиглигети «Семья цыгана».

Постановку спектакля «Сонни и Махиваль» осуществил главный режиссер театра С. А. Баркан. Большую помощь ему оказали индийцы: композитор Бой Биноу Кришна, поэт Мадьял Мадлу, балетмейстер Гудутхури Канажа Сурьям и работники Пенджабского народного театра Вишам и Шила Сахни. Премьера «Сонни и Махиваль» состоялась в декабре 1958 года.

В это же время театр заинтересовался драмой классика венгерской литературы Эде Сиглигети «Семья цыгана». В Москву приехала группа венгерских театральных деятелей, и началась совместная работа над спектаклем. Со стороны театра «Ромэн» работу возглавил молодой советский режиссер испанец Анхель Гуттьеррес, а со стороны Венгрии — режиссер Жужи Барта.

Хотя действие этих двух пьес происходит в разные эпохи и в разных концах света (одной — в Индии XVI века, а другой — в Австро-Венгрии XIX столетия), в них много

общего. В обеих драмах повествуется о самоотверженной любви, которой мешают злые силы. И тут и там возникает мотив брака по принуждению, тема национального и сословного неравенства. Фольклорная окраска пьес проявляется и в образности речи героев, и в большом количестве народных сцен, и в изобилии национальных песен и танцев. Обе драмы близки к народным сказкам, хотя в них нет ничего фантастического.

Смотря эти спектакли, зрители попадают в простодушный мир, где добрые красивы, а злые уродливы, где богатые бездарны, а бедняки талантливы, где сбываются предсказания и реализуются проклятья, где ясный месяц улыбается влюбленным, а гром предупреждает их о грозящей опасности. В этом мире есть своя правда, так же, как и в сказке, правда без погони за внешним правдоподобием. Характерная особенность режиссерского решения обеих постановок — отсутствие в них мусора бытовщины.

Постановщики уже в декорациях избегают ненужной бытовой доскональности. В каждой картине выделяется только одна запоминающаяся деталь. Например, во втором акте «Семья цыгана» — деревенский колодец-журавль, в одной из сцен «Сонни и Махиваль» — большое стройное дерево. Остальное как бы пропадает в тени.

В игре актеров — тоже стремле-

ние к обобщенности. Исполнитель каждой роли акцентирует главное качество, одну черту героя: О. Петрова — душевную чистоту Сонни («Сонни и Махиваль»), Р. Удовикова — самоотверженную любовь Чундари к Махивалю («Сонни и Махиваль») и пылкое благородство Жужи («Семья цыгана»), Н. Нарожный — подлость Ромая («Сонни и Махиваль»), В. Вербицкая — хитрость Юльчи («Семья цыгана»), С. Шишков — мятежный и неукротимый дух старого цыгана («Семья цыгана») и т. д. Этот прием игры не обедняет характеров героев, не превращает их в однолинейные схемы, а, напротив, обогащает сценические образы, придавая им цельность, а всему актерскому ансамблю — слаженность.

Актеры так, что называется, «сыгралась», работают настолько ровно и в едином ключе, что трудно говорить о неудачах или шедеврах исполнения. Все-таки хочется выделить изумительную грацию и музыкальность актрисы О. Петровой в роли Сонни, темперамент и яркую южную красоту Р. Удовиковой, играющей центральные роли в обеих постановках, и драматический талант С. Шишкова, который с большой эмоциональной силой исполняет роль старого Жиги в «Семье цыгана».

Стилистический образ каждого спектакля связан с национальным колоритом тех стран, где разверты-

вается действие. Этот колорит ощущается и в декорациях, и в костюмах актеров, и особенно в музыке, написанной венгерским и индийским композиторами (Иштван Шоркези и Бой Биноу Кришна).

«Семья цыган» оформлена в нежных, светлых, розово-голубых тонах (художник — Копецн-Бош), а «Сонни и Махиваль» — в контрастных красках с преобладанием темного красного и золотого (художник — М. Г. Чиковани). Особенно нарядное и яркое зрелище представляет собой «Сонни и Махиваль». В семи картинах спектакля — семь разных декораций. Очень эффектен пролог, когда при помощи игры света на прозрачном занавесе создается иллюзия волшебного таинственного мира, который постепенно приобретает реальные очертания.

И в той и в другой пьесе есть образы цыган. Но, конечно, не только цыганская тема определяет выбор этих пьес театром «Ромэн». Показ больших человеческих страстей, прекрасной всепобеждающей любви, которая, по словам цыганки Чхури, есть «соль и сахар земли», яркий романтизм, фольклорное народное начало, музыкальная песенно-танцевальная стихия — все это делает индийскую легенду «Сонни и Махиваль» и венгерскую драму «Семья цыгана» близкими творческим принципам советского цыганского театра «Ромэн».

М. ЖЕЖЕЛЕНКО

«ЛЕНИНГРАДСКАЯ ПРАВДА» г. Ленинград

19 8 4 В Г 1959